

Алексей Огринчук: «Главное в музыке - идти своей дорогой» | Alexeï Ogrintchuk : « Ce qui compte dans la musique, c'est de suivre son chemin »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева-Лозанна](#) , 04.03.2020.

Алексей Огринчук в женевском кафе (с) Nasha gazeta

12 марта в Женеве и 13 марта в Лозанне один из считанных гобоистов-солистов и

точно лучший из них исполнит, в сопровождении Оркестра Романдской Швейцарии знаменитый Концерт Рихарда Штрауса, написанный им в 1945 года, в Швейцарии, в конце своей долгой жизни.

|

Le 12 mars à Genève et le 13 mars à Lausanne un des rares hautboïstes-solistes, et surement le meilleur parmi eux, interprétera, accompagné de l'Orchestre de la Suisse Romande, le fameux Concerto de Richard Strauss, écrit en 1945 en Suisse, à la fin de sa longue vie.

Alexeï Ogrintchuk : « Ce qui compte dans la musique, c'est de suivre son chemin »

Наша Газета: Алексей, поскольку мы с Вами встречаемся впервые, начнем с традиционного вопроса о семье, в которой Вы родились...

Я родился в музыкальной семье, мои родители – пианисты. Папа до сих работает в Российском национальном оркестре у Михаила Плетнева, причем работает с момента основания этого коллектива. Параллельно он долгие годы преподавал, но сейчас больше не занимается этой деятельностью. Я до сих пор по возможности с ним играю, именно он аккомпанировал мне в 1998 году на Женевском конкурсе, который я выиграл, а папа получил тогда диплом лучшего аккомпаниатора.

Почему гобой, не самый популярный инструмент? Как Вы его впервые услышали, увидели?

Музыкой я начал заниматься в 6 лет, на фортепиано – имея дома двух пианистов, выбора не было. У меня обнаружили абсолютный слух. А в 9 лет перешел на гобой. Это был мой сознательный выбор, я влюбился в звук этого инструмента. Как Вы догадываетесь, родители много водили меня на концерты – и симфонические, и камерные, и сольные инструмента с оркестром. И даже в оркестре я отличал и выделял звук гобоя, какая-то химия срабатывала. Плюс уже с того раннего возраста я часто мог слышать гобой дома – папа тогда играл с бывшим первым гобоистом Заслуженного коллектива Санкт-Петербургской филармонии Ханяфи Чинакаевым, работавшим с Юрием Темиркановым. Потом была гнесинская десятилетка с нашим выдающимся педагогом Иваном Федоровичем Пушечниковым, ныне, увы, покойным. Это был настоящий столп русской гобойной школы, сделавший все, чтобы поднять ее на максимально высокий уровень.

Но продолжать образование Вы решили не в Москве, а в Париже...

Да, благодаря встрече с еще одним выдающимся гобоистом – французом Морисом Бургом. Он 20 лет преподавал в Женеве, и теперь я – его преемник в Высшей школе музыки. Он послушал меня, еще когда мне было лет 13, через пару лет попросил прислать записи, после чего написал, что я должен приехать в Париж и попробовать поступить в «главную» консерваторию Франции. Я поехал и неожиданно для себя и всех поступил, что стало поворотным моментом в моей жизни – с 16 лет я учился в главном музыкальном вузе Франции и одним из самых престижных для духовых инструментов в мире.

Вы предвосхитили мой следующий вопрос. На что ориентируется музыкант в начале пути - на престиж учебного заведения или на конкретного педагога?

Лично я шел только к педагогу, и так случилось, что этот педагог – лучший! – был в Париже. Вообще, это не простой вопрос. Сегодня, на мой взгляд, обстановка сильно поменялась по сравнению с тем, что было 20 лет назад, но я все равно считаю, что на первом месте должен быть педагог, а хорошие педагоги часто преподают в хороших вузах.

Итак, в 1998-м Вы стали лауреатом первой премии Женевского конкурса музыкантов-исполнителей. Через год получили европейскую премию Juventus и тогда же стали солистом Роттердамского филармонического оркестра, которым в то время руководил Валерий Гергиев. О пользе конкурсов сейчас много спорят. Как Вы оцениваете свой опыт?

Не думаю, что Валерий Гергиев меня тогда знал. Я просто приехал в свои 20 лет в Роттердам и выиграл конкурс, узнав об имевшейся вакансии. Безусловно, его присутствие в оркестре было для меня важным мотивационным фактором, и шесть лет в Роттердаме под руководством Валерия Гергиева были бесценным опытом. А потом уже я поступил в Концертгебау, где работаю до сих пор.

Но все же - о конкурсах?

Это очень хороший вопрос, на который сложно ответить однозначно. Если постараться дать черно-белый ответ – за или против, то я скорее за. Потому что для молодых талантливых студентов с определенными амбициями это полезно, как я испытал на собственном опыте. Нужно к чему-то стремиться, и успешное участие в конкурсе – как цель мотивирует и дисциплинирует. Готовясь к конкурсу, молодой музыкант должен освоить очень большой репертуар, настроиться, сосредоточиться...Все это крайне полезно. А дальше мы видим на разных конкурсах разные результаты, с которыми можем быть согласны или нет. Сам участник должен иметь основание сказать самому себе «я сделал все, что мог». А уж какой результат... Всем нравится невозможно, мы не в спорте, музыка – самый субъективный вид искусства. Не надо никому ничего доказывать, главное – идти своей дорогой и быть убедительным на сцене, оставаясь самим собой.

(DR)

В 2002 году Вы, первым из российских музыкантов, получили высшую музыкальную награду Франции - Victoires de la Musique, причем сразу в двух номинациях: «Лучший иностранный артист года» и «Приз публики». Французы явно считают Вас своим. Выходит так: учились в России и во Франции, преподаете в Швейцарии, играете в ведущем оркестре Нидерландов. А Вы как себе идентифицируете, если вообще задумываетесь об этом?

Знаете, русских классических музыкантов уважают, а некоторых инструменталистов – пианистов, например, – и побаиваются. Подумывая, к слову, об участии в фортепианном конкурсе, видят, что много кандидатов из России, и решают не ехать. Та база, та культура, которые дает образование в специальных музыкальных школах в России, в частности, в Москве, – уникальны. Такого нет нигде! В нашу десятилетку поступают и в 5 лет, и в течение десяти лет за развитием одаренного ребенка неусыпно следят. Именно поэтому в 16-17 лет наши пианисты и скрипачи выигрывают крупнейшие конкурсы, в то время как учащиеся в Европе доходят до такого уровня развития позже из-за разницы в системе образования.

Возможность получить высшее музыкальное образование во Франции тоже была для меня подарком судьбы.

Как Вы оцениваете включение дисциплины «духовые инструменты» в программу московского конкурса имени Чайковского?

Думаю, это замечательная идея. Такая платформа, как конкурс Чайковского, теперь дает и духовикам показать себя, и это здорово.

Вы сочетаете активную концертную деятельность с преподаванием - периодически, с 2001 года, в Королевской академии музыки в Лондоне и на постоянной основе в Женеве. Почему Вы решили этим заниматься? Какими принципами руководствуетесь в преподавании - русской школы или французской?

На этот вопрос невозможно ответить, поскольку я являю собой комбинацию обеих школ, взяв от обеих лучшее. Я люблю преподавать. Впервые я это понял, когда, в 20 лет, меня пригласили дать мастер-класс в Королевской академии и Лондоне. Я тогда сам еще официально учился в аспирантуре в Париже и ни одного урока до тех пор не дал. А потому волновался больше, чем ученики, многие из которых были старше меня, и вместо трех предложенных дней мастер-класса попросил оставить один. Мои педагоги меня поддержали, сказав, попробуй, мол, в качестве личного опыта. Опыт, видимо, удался – через несколько дней мне позвонили из Лондона, сказали, что все ученики хотят, чтобы я вернулся, и предложили мне место приглашенного профессора. Это предложение я с удовольствием принял. Я считаю, что знания надо передавать дальше, и делать это надо честно, иначе зачем? Сочетание концертной деятельности и преподавания дает ощущение собственной цельности.

Давайте поговорим о репертуаре гобоя-соло, достаточно ограниченном. Как Вы выходите из положения? Как расширяете программы?

Нам повезло в том, что есть немного, но совершенных шедевров, написанных специально для гобоя. Концертов, помимо Моцарта и Штрауса, мало, но есть романсы Шумана, есть огромный пласт изумительной барочной музыки, написанной разными композиторами, начиная с Куперена. Так что нам есть, чем заняться, но, конечно, проблема репертуара существует, основные соло гобоя – в оркестре. Да, гобой, прежде всего, - оркестровый инструмент. Все без исключения композиторы посвящали все самые трогательные, душещипательные партии именно гобою. И правильно делали! (смеется) Сегодня репертуар расширяется за счет заказов ныне здравствующим композиторам. Я сыграл уже две мировые премьеры. В 2010 году исполнил с нашим Концертгебау под управлением Мариса Янсона посвященный мне концерт Родиона Щедрина, который позже прозвучал на фестивале в Люцерне, а также в разных других странах. Плюс есть посвященный мне концерт французского композитора Марка-Андре Дальбави. Может, через несколько лет еще что-то появится.

Транскрипции я не делаю – и времени совсем нет, да и не взялся бы, если честно. Чужими переложениями пользуюсь, но очень выборочно.

Расскажите, пожалуйста, о Концерте для гобоя с оркестром Рихарда Штрауса, который нам предстоит услышать 12 и 13 марта?

Поразительно, но многие до сих пор пребывают в раздумье насчет того, как после войны, в 1945 году, в конце жизни Штраус написал концерт, настолько наполненный светом, в тональности ре мажор.

Может, потому что он пережил войну в нейтральной Швейцарии?

Хорошее объяснение, почему бы и нет? Многие элементы этого концерта – комбинации типичных для Штрауса некончающихся длинных горизонтальных линий,

физически непростых для солиста и сложных для аккомпанемента оркестру. Вот-вот думаешь, что даст вздохнуть, а нет, играй дальше на пределе возможностей... Этот концерт – взгляд композитора на всю прожитую жизнь. Там и возврат к классицизму, и что-то из Моцарта, но в первую очередь – типичный Штраус со всем тем, за что мы его любим. Это изумительный концерт, играть который всегда и большая радость, и ответственность. Мне будет особенно приятно исполнить его в сопровождении Оркестра Романдской Швейцарии, ведь именно с ним я играл это произведение в 1998 году, в финале Женевского конкурса и в концерте лауреатов в Виктория-холле.

От редакции: Мы надеемся, что в связи с коронавирусом концерты не будут отменены. Самую надежную информацию об этом можно получить на [сайте](#) Оркестра Романдской Швейцарии, а заодно и купить билеты.

[швейцарская музыка](#)

Статьи по теме

[«Главный гобоист мира» выступит в Женеве](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/aleksey-ogrinchuk-glavnoe-v-muzyke-idti-svoey-dorogoy>